

Киселева М. С. Особенности отражения народных представлений о судьбе в приметах и суевериях разных социальных групп Владивостока / М. С. Киселева // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 203—221. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-203-221.

Kiseleva, M. S. (2020). Features of the Folk Ideas Reflection about Fate in the Signs and Superstitions of Social groups in Vladivostok. *Nauchnyi dialog*, 9: 203-221. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-203-221. (In Russ.).

УДК 398.3

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-203-221

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СУДЬБЕ В ПРИМЕТАХ И СУЕВЕРИЯХ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП ВЛАДИВОСТОКА

© Киселева Мария Сергеевна (2020), orcid.org/0000-0003-2846-570X, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» (Владивосток, Россия), kiseleva.ms@dvfu.ru.

Статья посвящена приметам и суевериям, собранным в 2014—2019 годах во Владивостоке и хранящимся в архиве кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета. Респондентами стали представители ряда социальных и профессиональных групп: школьники, студенты, медики, моряки, рыбаки, водолазы, таксисты и водители. Рассматриваются упоминающиеся в текстах: знаки потустороннего мира, предвещающие благоприятный или неблагоприятный исход событий; специальные слова / фразы, которые нужно / нельзя говорить, чтобы не испугать или привлечь удачу; действия, которые нужно / нельзя совершать; совокупная реализация знаков, слов и действий. Доказывается, что зафиксированные у русскоговорящих жителей Владивостока приметы и суеверия непосредственно связаны с комплексом традиционных представлений о судьбе. Отмечается, что в основе рассмотренных примет и суеверий лежит идея о том, что человек — создатель своей судьбы, способный привлечь и удержать удачу, выстроить диалог с потусторонним миром. Делается предположение, что выявленные и описанные приметы и суеверия имеют региональную специфику: территория их бытования является форпостом России на Дальнем Востоке. Комментируются изменения, которые происходят в приметах и суевериях под влиянием особенностей жизни и организации быта носителей русского языка в ситуации культурного пограничья.

Ключевые слова: приметы и суеверия; традиционные представления о судьбе; картина мира; городской фольклор.

1. Введение

Приметы и суеверия играют важную роль в мировоззрении современных людей, о чём свидетельствует широкая представленность текстов этих жанров в фольклорном архиве кафедры русского языка и литературы Даль-

невосточного федерального университета [ФА ДВФУ]. С одной стороны, приметы и суеверия воспринимаются информантами как знание, о котором не принято говорить, проявляющееся в виде намёков, умолчаний, определённых действий, что вызывает трудности фиксации; с другой — они известны носителям (как и термины *примета*, *суеверие*), что позволяет собирателям выстраивать диалог и постепенно получать необходимую информацию.

В фольклористике до сих пор существует проблема определения терминов *примета* и *суеверие*, см., напр.: [Завьялова, 2013; Флигинских, 2014]. В данной работе мы интерпретируем их широко, в целом относя к паремиям. Такой подход обусловлен нашим материалом: погодные приметы в записях почти отсутствуют, часть примет и суеверий представлены в виде отсылок: *верю в чёрную кошку и число 13* (Зап. от Т. В. Козловой, 1994 г.р.) [ФА ДВФУ, 2019, соб.: 3. Казрез, с. 20], *ну, пятачок под пятку клали* (Зап. от Н. В. Дунаевой, 1961 г.р.) [Там же, 2017, соб.: О. Шарапова, с. 6] и т. п. Наш материал — разноплановое и очень неоднородное собрание текстов, зафиксированных в ходе опроса представителей разных социальных групп. Многие произведения функционируют в профессиональной среде, например, моряков, водителей и т. п., социальных группах, объединяющих людей по возрасту и социальному статусу, например, школьники, студенты и др. Эти приметы и суеверия лишь условно можно отнести к общенародным. Однако и в такой пестроте, на наш взгляд, можно выделить общие закономерности бытования примет и суеверий, соотнести сделанные наблюдения с общерусской традицией, проследить особенности реализации в изучаемом материале смысловых констант национальной картины мира, в частности — древнего комплекса представлений о судьбе.

Актуальность исследования связана с возрастающим интересом к разным видам региональной реализации общерусской традиции, к особенностям функционирования традиционных фольклорных жанров в XXI веке, к разным формам репрезентации национальной картины мира. Новизна работы обеспечивается введением в научный оборот ранее неизученного материала. Разумеется, не все рассматриваемые нами тексты обладают яркой региональной спецификой: многие приметы и суеверия её не имеют, поскольку широко распространены и за пределами той территории, где были собраны (например, приметы и суеверия врачей [Савина, 2019]).

В данной работе мы ставим цель выявить, какие составляющие национальных представлений о судьбе лучше всего сохраняются в приметах и суевериях, зафиксированных в результате опроса русскоязычных информантов в 2014—2019 годах во Владивостоке — форпосте России на Даль-

нем Востоке, где встречаются и взаимодействуют Запад и Восток [Мартыщенко, 2018]. Для этого были рассмотрены тексты, собранные в ходе интервьюирования ряда групп жителей региона: школьников и студентов; медиков; таксистов и автомобилистов; рыбаков, моряков и водолазов. Такой выбор позволил выявить основные константы картины мира русскоязычных жителей Владивостока, отражённые в приметах и суевериях, поскольку в исследовании охватываются разные возрастные группы и основные профессии / сферы увлечения горожан.

Проанализировано свыше 150 примет и суеверий, собранных во время практики студентами 1 курса. Материал разбит на 4 смысловые группы: приметы и суеверия, посвящённые знакам потустороннего мира; особые слова и / или фразы, которые, по мнению информантов, нужно / нельзя произносить, чтобы обеспечить удачу; особые действия, способствующие, по мнению информантов, благоприятному развитию событий; комбинация слов / действий / знаков для установления связи с представителем иного мира.

2. Знаки потустороннего мира

Знаки иного мира представлены разнообразно. Особое внимание носителей привлекает начало дня: если всё сразу пошло хорошо, то так и продолжится (перед уроком всё как обычно; первый выезд медиков лёгкий / денежный; зеленый свет светофора («зелёная улица») обещает лёгкий проезд и удачу на контрольной / экзамене); если же день начинается со сбоя / препятствия, то удачи не будет (водолазы не любят нырять, если перед погружением что-то пошло не так; красный сигнал светофора, встреченный в начале пути или последовательно повторяющийся, может свидетельствовать о том, что возникнут сложности на контрольной / экзамене; если поездка началась плохо, то так она и пройдёт; если в начале дежурства поступил тяжелобольной, смена будет нелегкой). В этих частных реализациях можно увидеть древнюю параллель жизни человека и состояния окружающего мира [Толстая, 2012, с. 499], когда спокойное, лёгкое течение событий обозначает аналогичный ход дня, а любое препятствие / остановка / сложность — поджидающие неудачи.

Первое событие словно настраивает день, притягивает похожие ситуации. Медики говорят о «законе парных случаев»: если поступил пациент с определёнными симптомами, скоро будет ещё поступление с аналогичной проблемой: *Закон парных случаев <...> поняла, что действует, когда на дежурстве ночью поступили двое молодых мужчин с проникающими ножевыми ранениями живота — один в 12 ночи, а другой в половину первого. Оба вдрызг, обоих пришлось долго уговаривать на ревизию <...>*

(Зап. от Е. М. Рахматулиной, 1967 г.р.) [ФА ДВФУ, 2019, соб.: К. Малявина, с. 7]). Но, поскольку потусторонний мир воспринимается во многих культурах как хаотичный и непредсказуемый [Неклюдов, 1998], в рассмотренных представлениях фиксируем неоднозначность некоторых знаков: красный и зелёный могут иметь как положительное, так и отрицательное значение; у рыбаков есть примета, что случайно допущенная перед выходом / в начале рыбалки оплошность (что-то забыл дома, упустил первую рыбу) свидетельствует: дальше события будут развиваться хорошо.

О сохранении древнего стремления провести параллель между настоящим и будущим, чтобы узнать ближайшие события, свидетельствует много примет и суеверий, связанных с первым встречным (неслучайно встреча в славянской традиции рассматривается как проявление судьбы [Плотникова, 1995, с. 452]). При этом универсально негативное истолкование встречи с женщиной (в приметах рыбаков она приносит неудачу, если присутствует на рыбалке, а у автомобилистов — если она за рулём; положительно воспринимается только беременная: *Если перед экзаменом встретила беременная женщина или моряк — это к удаче, нужно только просить у них номер билета* (Зап. от П. А. Мамаева, 1995 г.р.) [ФА ДВФУ, 2014, соб.: А. Ступак, с. 10]) и чёрной кошкой (часто интерпретируется и как знак удачи). Если день начинается со встречи с мужчиной, он будет удачным: *Я даже как-то перед экзаменом <...> маму попросила утром не выходить из комнаты <...>, а брат и папа щеголяли вокруг на удачу* (Зап. от Е. Кузнецовой, 1998 г.р.) [Там же, 2016, соб.: А. Михайлик, с. 19]. Женщина и кошка, в народной традиции напрямую связанные с иным миром, и в настоящее время продолжают восприниматься как носители хаоса, который непредсказуем и оттого может навредить, тогда как мужчина символизирует устойчивость и постоянство. Хотя также фиксируем и идею, что человек, тесно связанный с потусторонним миром (беременная женщина или моряк), может благотворно повлиять на судьбу.

К знакам потустороннего мира относится и статус человека: у «блатного» больного всегда осложнения (отмечают медики), рыбаки верят, что новичкам везёт (также положительно интерпретируются у них начало и конец: лучший лов в начале и в конце сезона).

У школьников среди встречающих, предвещающих беду (контрольную), выступает одноклассник (возможно, здесь наблюдается мотив отзеркаливания / двойничества и сохранение древней мифологической структуры культурный герой — трикстер [Мелетинский, 1982]), а неожиданно найденные деньги обеспечивают удачный день. У студентов удачу предвещает найденный четырёхлистный клевер, а неудачу — бомж, пожарный и ми-

лиционер. У водителей об опасности сигнализируют буква «У» в номере встреченной машины (расшифровывается как «упырь»), а также наличие у водителя шапки / усов / очков (<...> *если он в шапке в машине — он тупит 100 %, если он в очках-то он тупит, если у него есть усы, то он тупит. Если он в шапке, в усах и в очках-то просто берегись этой машины* (Зап. от Д. Батищева, 1987 г.р.) [ФА ДВФУ, 2016, соб.: М. Денисенко, с. 8]; <...> *обращаю внимание <...> едут ли водители усатые или в очках. Вот они самые главные вредители на дорогах* (Зап. от Р. Суровцева, 1976 г.р.) [Там же, с. 9].

Из событий, предвещающих удачный / неудачный день, отметим приход правого или левого лифта (фиксируется у студентов: левый сулит неудачный день, правый — удачный), упавший инструмент с операционного стола (знак, что операция будет трудной или операции будут идти непрерывно), пролитый случайно спирт (<...> *если в рабочее время пролил спирт, то после работы тебя ждет застолье с алкоголем* (Зап. от И. А. Маринченко, 1961 г.р.) [ФА ДВФУ, 2019, соб.: М. Кузнецова, с. 14], необоснованные и частые поломки (автомобилисты и таксисты считают, что такая машина несчастливая: <...> *если начинает себя плохо вести машина, то от неё лучше избавляться*<...> (Зап. от В. Кондратенко, 1987 г.р.) [Там же, 2016, соб.: М. Денисенко, с. 10].

Знаком удачи и неудачи являются также залетевшая в карету скорой помощи муха (вызов может закончиться смертью); сбитая собака (автомобилисты / таксисты: следующим станет человек); чайка (по её поведению моряки определяют погоду; в данном случае — редкая в нашем материале погодная примета); крыса (у моряков символ беды, если покидает корабль); орлан у рыбаков (*Увидеть на зимней морской рыбалке и угостить рыбой орлана — к удаче, потому что он — царь-птица моря, мы у него в гостях* (Зап. от А. Кривцова, 1981 г.р.) [Там же, 2015, соб.: Н. Кривцова, с. 10]), а у водолазов, возможно, осьминог (собиратель подозревает, что с ним связан комплекс примет и суеверий, поскольку он часто встречается в байках, но информанты об этом умалчивают).

Таким образом, в качестве хороших / дурных знаков могут быть и действия, и предметы, и живые существа, и цвета, и левая и правая стороны. Наблюдаем сохранение и необычайную устойчивость древних представлений о близости иного мира, чьё влияние возрастает в моменты испытаний, когда не всё зависит от человека, на территории, осмысливаемой как пограничная (море, дорога). При этом иной мир может как помочь, так и навредить, и людям остаётся только увидеть знак, интерпретировать его и настроиться, подготовиться принять любые изменения в судьбе. Также

в рассмотренных текстах сохраняется древнее восприятие времени / пространства как процесса, который должен идти последовательно, без помех и с добрыми знаками; наблюдаем архаичную параллель судьба = путь.

3. Слова / фразы, которые нужно / нельзя произносить

В материале, собранном в ходе опроса всех социальных групп, фиксируется «правило молчания»: нельзя говорить о желаемом исходе (иначе будет наоборот), делиться тайными знаниями, словесно обозначать, что всё проходит нормально / хорошо (если учителя долго нет, он появится сразу же, как только кто-то из учеников вслух предположит, что его и не будет / он забыл об уроке); студенты предпочитают не рассказывать, что им помогло сдать экзамен, стараются не обращать внимание на общеизвестные приметы (т. к. именно благодаря широкой известности они не работают); у медиков запрещено желать хорошей / спокойной смены (разрешено говорить лишь *дежурьте как хотите*), использовать слово *последний* (можно только *крайний*), нельзя спрашивать, как проходит смена, сколько пациентов и прочее, хвалить результат своей работы, использовать прямые или косвенные намёки на смерть (*Не говори «А, Б, В лежали на трубе», когда в реанимации, а то можешь умереть* (Зап. от И. А. Маринченко, 1961 г.р.) [ФА ДВФУ, 2019, соб.: М. Кузнецова, с. 14]); водолазы, по свидетельству собирателя, молчанием обходят тему примет; рыбаки не желают удачи (*Правильное пожелание рыбаку: «Ни хвоста, ни чешуи!»*), в ответ нужно послать «к чёрту» (Зап. от А. Кривцова, 1981 г.р.) [Там же, 2015, соб.: Н. Кривцова, с. 9]), молчат о цвете поролона, который совпал с цветом кормовой базы и обеспечил клёв, не хвастаются уловом до конца рыбалки; автомобилисты и таксисты не говорят об авариях (*нельзя во время езды говорить о каких-то ДТП ..., а то тогда тоже сам попадешь в ДТП* (Зап. от О. Беспаловой, 1975 г.р.) [Там же, 2016, соб.: М. Денисенко, с. 10], запрещено ругать машину (<...> *нельзя там эмм ... на неё обзывать, говорить какая она плохая* (Зап. от О. Деменевой, 1997 г.р.) [Там же]) и обсуждать «при ней» её продажу; в последних двух примерах наблюдаем олицетворение автомобиля (<...> *говорю: «Друган, ну потерпи, ну скоро придут запчасти, ну потерпи пару дней», он терпел, потому что у него есть душа* (Зап. от Д. Батищева, 1987 г.р.) [Там же, с. 27]). В целом же в приведённых примерах обнаруживаем универсальный для многих культур древний страх перед похвалой, которая может иметь катастрофические последствия, так как вызовет гнев сил потустороннего мира [Попов, 2011].

Молчание или запрет на произнесение определённых слов или фраз в традиционной культуре рассматриваются как способ взаимодействия

с иным миром. Так, в волшебной сказке молчание помогает герою сохранить жизнь: «герой нем = мертв; если же он заговорит, то этим проявит свою принадлежность миру живых и будет убит» [Краюшкина, 2008, с. 38]. В современных приметах и суевериях молчание помогает либо сохранить счастье / удачный ход событий, либо просто не вызвать беду.

Снова отмечаем сохранность древних представлений о близости иного мира, о важной роли слова при взаимодействии с ним. Здесь слово воспринимается как действие, обретает материальность: «текст <...> оказывается как бы тождественен этой реальности (словно бы прямо ее реализует)» [Неклюдов], подразумевает ответ иного мира в виде действия и / или поступка (поэтому не случайно порой наблюдается достраивание диалога, когда наличие одной реплики подразумевает обязательное присутствие и последующей).

Порой респонденты конкретизируют информацию о том, какие именно слова нужны / запрещены. Так, школьники и студенты отмечают важную роль молитвы перед испытаниями, при этом саму молитву не воспроизводят и не называют, некоторые подчёркивают, что узнали её от мамы / бабушки или что мама / бабушка за них молится (в одном случае — желает удачи); автомобилисты сообщают о чтении «Отче наш ...» перед началом движения. Также у учащихся широко фиксируется обычай нецензурно бранить («материть») того, кто сдает экзамен, или просто ругать его; при этом интересно употребление слов с негативными коннотациями *дурак*, *тупица* и проч. Кто-то отмечает, что они запрещены, кто-то говорит, что использовать можно (*Еще я заранее семье говорю, что у меня все плохо, что у меня «2» и что я тупая, чтобы не сглазить*) (Зап. от жен., учится в ДВФУ, 2000 г.) [ФА ДВФУ, 2019, соб.: Е. Шкулипа, с. 12]). В традиционном фольклоре также наблюдается активное использование оскорблений: в волшебной сказке «они связаны с такими категориями, как ум или его отсутствие, отрицательными личностными характеристиками <...>» [Краюшкина, 2011, с. 129]. Наблюдаем в рассмотренных приметах и суевериях переплетение элементов язычества и христианства, сохранение архаических представлений об особом воздействии определённых словесных формул, о защитной функции ритуальной брани / ругани [Санникова, 1995, с. 251].

В студенческой среде передаются последующим поколениям в неизменном виде словесные формулы, вызывающие Халяву (*Халява, приди! Халява, ловись!* и проч.). Здесь уже напрямую осуществляется выстраивание диалога с иным миром, исход которого (удача / неудача) вариативен: призыв *Халява, приди!* может получить ответы: *Учить надо!* или *Не приду!* (Зап. от П. А. Мамаева, 1995 г.) [ФА ДВФУ, 2014, соб.: А. Ступак, с. 12]), обозначающие, что сдача экзамена легко не пройдет.

В целом сохраняется вера в древнюю магию слова, когда оно становится способом общения с потусторонним миром, обеспечивает удачный исход испытания, защищает от беды. Правильное слово (или отсутствие слов), таким образом, становится одним из способов повлиять на судьбу.

4. Действия, которые нужно / нельзя совершать

Чаше всего в записях примет и суеверий, хранящихся в архиве, упоминаются особые действия, которые выполняются, чтобы обеспечить удачу. В этом видим отражение представлений, что человек не просто воспринимает знаки иного мира и старается не привлекать его внимание, а достаточно активно взаимодействует с ним.

Важную роль в таком «налаживании отношений» играют деньги (свойство переходить из рук в руки делает их носителем магической силы, который часто выступает как сильный оберег [Петров, 2013]): школьники и студенты пытаются обеспечить удачу, подкладывая под пятку монету в 5 руб. (у школьников зафиксирован вариант, когда вкладывается 500 руб., а у студентов — советские медные 5 коп., в чём видим попытку интерпретации имеющейся традиции: у школьников — стремление «вписать» её в существующие реалии, у студентов — обозначить длительность существования обычая, придать талисману эксклюзивность, воспользоваться уже накопленной в нём удачей), при этом устойчивость именно цифры 5 объясняется, вероятно, стремлением получить такую же оценку. Монетами студенты ДВФУ «кормили» статую дракончика, стоявшую перед центральным корпусом; также бытует поверье, что на монетки, пересыпаемые из руки в руку, можно «приманить» задерживающийся автобус. У таксистов не принято отдавать деньги вечером, пересчитывать точно выручку — всё это ведёт к сокращению заработка; у автомобилистов фиксируем талисман: *Есть монетка японская, годов так 87-х, так вот, эту монетку закладывали еще японцы при сборе автомобиля, чтоб типо она удачу приносила владельцу, и машина чтоб реже ломалась, и чтоб она в ДТП меньше участвовала. Так вот, при починке ее в салоне я нашел эту монетку в панели. Ну и сейчас она там и лежит, и скажу я вам <...> машина у меня ни разу в ДТП не была и состояние для ее годов очень неплохое* (Зап. от Н. Шумилова, 1993 г.р.) [ФА ДВФУ, 2016, соб.: М. Денисенко, с. 25]. У медиков не принято заранее брать деньги за работу (видимо, аналогия с запретом похвалы). Наблюдаем, что деньги воспринимаются как посредники между мирами, обеспечивающие удачу, также они символизируют удачу, которую, как принадлежащую потустороннему миру, нельзя чётко определять, не вовремя передавать / брать.

Магия счёта / чисел находит отражение в суевериях студентов: по пути на экзамен они считают редкие предметы, берут восьмой по счёту билет. В этих действиях наблюдаем сохранение архаических представлений о счёте как средстве упорядочивания и моделирования вселенной, преобразования хаоса в космос [Толстая, 2012а, с. 544], осуществления эффективного магического ритуала [Богданов, 2004], возможно, также призванного «выправить» судьбу, которая осмысливается по аналогии с состоянием окружающего мира. Особо обратим внимание на счастливую семантику числа 8: в Китае оно очень любимо, обозначает совершенство и полноту [Антонова, 2012]. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» 8 отдельно не рассматривается. Присутствие данного числа среди счастливых примет и суеверий можно объяснить влиянием восточной традиции, а также, возможно, сходством со знаком бесконечности. Число 8 фигурирует и в среде автомобилистов и таксистов: *Три семёрочки считается, ну, типа, нафосный, а три восьмёрочки — это самый дорогой номер считается, потому что якобы он приносит деньги* (Зап. от Д. Батищева, 1987 г.р.) [ФА ДВФУ, 2016, соб.: М. Денисенко, с. 8].

Считается, что обеспечивает удачу широко распространённая «магия приобщения / аналогии»: стремление подчеркнуть связь с тем, что обладает требуемыми характеристиками, или, наоборот, затемнить эту связь, чтобы удачу не спугнуть. Школьники и студенты стремятся подержаться за того, кто уже сдал экзамен или зачет, или за отличника, поспать / посидеть на конспектах / учебниках (только открытых или только закрытых), сделать репост специальной записи (изображения зачётной книжки со всеми пятёрками) в группе вуза, «зацепить удачу» на крючок, прикреплённый к ботинку. Моряки, «приманивая» ветер, скребут ногтями по мачте или свистят. Рыбакам запрещено перед рыбалкой есть что-то из рыбы или брать такую еду с собой, а если приходится менять место лова, необходимо облизать блёсны, чтобы удача не покинула. Автомобилисты верят, что мытьё машины вызывает дождь, что *«запчасти с битой на нормальную ставить нельзя. Одна другую заразить может и все, авария какая будет»* (Зап. от А. В. Солоухина, 1994 г.р.) [Там же, 2019, соб.: А. Лисица, с. 9], не приветствуется (у моряков наоборот) свист в машине. Медикам запрещено подбирать ложки, вилки и ножи, если они упали в ординаторской (иначе будут новые поступления); дежурному врачу нельзя садиться на пустую койку в реанимации — обязательно на эту койку кто-нибудь поступит.

Установление связи с потусторонним миром выражается и в обрядовом принятии пищи или напитков / символическом жертвоприношении.

У студентов важную роль играют алкоголь и шоколад: чтобы стипендия «водилась», первую нужно пропить; нужно пить перед экзаменом, тогда легко его сдать; шоколадка, положенная ночью в ноги, а утром съеденная, сохраняет знания (встречается вариант, что руки нужно намазать чем-то сладким / липким, чтобы вытянуть счастливый билет); существуют и отголоски жертвоприношений: когда идёшь на экзамен, нужно угощать встречных конфетами. У автомобилистов и таксистов бытует поверье, что купленную машину нужно «обмыть» (вместе с друзьями выпить много алкоголя, в идеале — полить машину им, тогда она будет хорошо ездить и не станет ломаться), только один информант привёл вариант, согласно которому «обмывать» права / машину нельзя. У рыбаков зафиксирован обычай «править руку» (принимать алкоголь), если рыбалка не идёт, наливать алкоголь в лунку или бросать туда картошку / кашу («кормить / поить Деда»), кормить орлана.

В то же время в приметах и суевериях медиков наблюдается древнее стремление провести границу с иным миром, чтобы не допустить его пагубного влияния (о наличии ещё в XVIII веке у врачей представлений о болезни как следствии влияния злого духа сообщает О. Ю. Голицына [Голицына, 2009]): держится закрытым журнал поступающих больных, каталочных больных не возят ногами вперёд, у входа в приёмное отделение ставят перевернутый веник, а в самом отделении выключают яркий свет (так как скорые на свет едут), наступают на упавший инструмент правой ногой, чтобы всю ночь не оперировать. В последнем случае наблюдаем и оппозицию правый / левый, которая встречается в приметах и суевериях студентов и школьников, правда, с затемнением семантики: пятка, под которую кладут пятак, может быть как левой, так и правой; встречаем утверждение, что для хорошего дня нужно вставать сразу на обе ноги; счастливый билет вытаскивается то левой, то правой рукой.

Фиксируем и стремление сделать так, чтобы всё шло как обычно: студенты перед экзаменом совершают одинаковые действия (например, принято слушать конкретную песню в автобусе, когда едешь на экзамен); автомобилист начинает движение, только если в салоне привычный запах; медики не любят меняться дежурствами / операциями (то есть ломать установленный порядок); у водолазов принято всё дважды перепроверить, чтобы все шло как обычно (*Если что-то из снаряжения я забыл на берегу, и обнаружил это уже в море, то я в этот день откажусь от погружения. Значит, что-то держит меня на берегу <...>* (Зап. от С. В. Филипенко, 1972 г.р.) [ФА ДВФУ, 2019, соб.: А. Козачёк, с. 16]); рыбаки собираются без лишней спешки, но и не слишком тщательно. То, что выбивается из

привычного хода вещей, сигнализирует о близкой неудаче, тогда как привычный ход событий — о ровной и хорошей судьбе.

Среди запретных действий: у моряков — плевать в море, так как оно живое, оскорбится; у рыбаков — показывать блёсны во время рыбалки (сглазят).

Широко представлено поверье, что удача может накапливаться / храниться — в волосах, одежде, талисманах. Фиксируем запрет мыть / стричь волосы, бриться, стирать одежду — перед экзаменом / контрольной (школьники и студенты) и перед рыбалкой (рыбаки). Здесь «вещественные объекты <...> становятся “материальными выражениями”, своих символических свойств» [Неклюдов, 2002]. Т. В. Краюшкина пишет о существовании в русских народных волшебных сказках задачи оставаться грязным: «Герой берется выполнить задачу не мыться, не бриться и одежду не менять» [Краюшкина, 2010, с. 69]. Выполнив задачу, он вступает в брак, то есть получает счастливую долю.

В то же время у медиков считается, что неснятые дежурным врачом на время сна носки могут навлечь неприятности: обязательно будет вызов (видимо, это знак того, что врач готов быстро встать и начать оказывать помощь поступившему больному, и потому такая готовность табуируется). Но чаще предметы одежды считаются накапливающими удачу: школьники и студенты верят, что исход дела будет удачным, если надеть «счастливую» рубашку, кофту, носки, банты, красные / разноцветные носки с иероглифами, особое нижнее бельё (например, оно должно быть красным и вывернутым наизнанку, один информант отметил, что нужно *«на ночь, на люстру повесить красный лифчик, чтобы заманить удачу»* (Зап. от П. А. Мамаева, 1995 г.р.) [ФА ДВФУ, 2014, соб.: А. Ступак, с. 11]).

Талисманы представлены разнообразно: заговорённая учителем ручка или ручка, которой пишутся все контрольные, у школьников / студентов (идея накапливания удачи, важная роль родительской, опекающей фигуры), индивидуальные талисманы (синий камушек), крестик, специально надеваемый для сдачи экзамена; у автомобилистов в качестве талисмана выступают иконы (два информанта указали иконы Святой Матроны), которые принято забирать при продаже машины (видимо, чтобы удача не ушла), фигурка домового, найденная на трассе.

Таким образом, наблюдаем, что взаимодействие с потусторонним миром может осуществляться по древнему принципу купли-продажи, счёта, аналогии, принятия пищи / символического жертвоприношения, стремления провести / пересечь границу, обеспечить привычный ход вещей, накопить / передать удачу.

5. Комбинация слов / действий / знаков для установления связи с представителем иного мира

Порой приметы и суеверия воплощаются в обрядовом комплексе, все элементы которого (знак, действие и слово) служат для установления связи с представителем иного мира (персонифицированной удачей) и попыток поймать его / обеспечить его расположение. Яркий пример — вызов студенческой Халявы, к которой можно обратиться с призывом (в полночь или очень рано (представление о наибольшей близости мира людей и иного мира в эти периоды) перед предстоящими испытаниями). Чтобы Халява услышала / пришла, необходимо кричать, высунувшись в окно / форточку (символическое преодоление границы), это делается трижды (магия счёта). Призыв подкрепляется специальными действиями: Халява «замечается» в зачётку (нужно провести по полу веником 5 раз; здесь видим соотнесение пола с потусторонним миром и восприятие веника как предмета-медиатора, позволяющего пересечь границу; в основном фиксируются представления, что эту границу способны преодолеть слово и особые предметы / продукты), примораживается к ней (зачётка помещается в холодильник / выставляется на мороз), приманивается на хлебные крошки / сладости / спирт (отражение ритуального жертвоприношения; данный обряд достраивается раздачей конфет по пути на экзамен, хорошими делами во имя Халявы). Также Халяву ловят, бегая в вывернутом нижнем белье (отсылка к древнему универсальному для многих традиций мотиву переворота, перехода; ср. обычаи обрядового ряжения).

У медиков как охранительный обрядовый элемент выступает стук по полу упавшим инструментом, сопровождающийся фразой *Сиди дома!* (Зап. от Е. М. Рахматулиной, 1967 г.р.) [ФА ДВФУ, 2019, соб.: К. Малявина, с. 7]. Если студенты иной мир просят о помощи, то медики — о невмешательстве, стараясь сделать так, чтобы новые больные не поступали.

Рыбаки, окуная снасть, говорят: *Ловись, рыбка, большая и маленькая* или *Я от Иван Ивановича* (Зап. от А. Кривцова, 1981 г.р.) [Там же 2015, соб.: Н. Кривцова, с. 10]: здесь наблюдаем стремление приобщиться к иному миру и веру в магию слова.

Как обряд можно рассматривать взаимодействие автомобилистов / таксистов с машиной: отношение как к живому существу, выражающееся в диалоге с ней (приветствие / прощание / уговоры / похвала), в специальных действиях (покупка деталей рассматривается и как забота / подарок машине; бензин и масло — как еда).

Таким образом, в бытующих приметах и суевериях фиксируем сохранение элементов древних обрядов, призванных обеспечить благоприятный

исход дела, «выправить» судьбу, задобрить потусторонний мир и его представителей.

6. Заключение

Рассмотренный материал свидетельствует о сохранении и важной роли в картине мира русского человека древних представлений о влиянии на его жизнь потусторонней хаотической силы, которую можно задобрить / нейтрализовать символическим жертвоприношением, правильным словом / отсутствием неправильных слов или действием. Удача и неудача примаются, теряются, похищаются и передаются, воплощаются в предмете, персонаже (антропо- и зооморфном), цвете или числе, и всё это влияет на дальнейшую судьбу человека, так или иначе трансформирует её. Об универсальности выделенных представлений свидетельствует их широкое распространение у разных социальных групп Владивостока. Н. Н. Измоденова в 2013 году писала о широком присутствии суеверий в повседневной практике современных образованных людей [Измоденова, 2013].

Среди смысловых составляющих народных представлений о судьбе, которые нашли отражение в проанализированных приметах и суевериях, можно выделить следующие: 1) предопределённость судьбы, которую можно узнать заранее по тем или иным знакам окружающего мира; 2) зависимость судьбы человека от его поступков и слов; 3) возможность изменения судьбы как в лучшую, так и в худшую сторону. Данные смысловые компоненты взаимосвязаны и образуют комплекс, полностью или частично реализующийся в каждом рассмотренном тексте. Интересно, что этот комплекс совпадает с системой традиционных славянских представлений о судьбе: «С. Выступает как неумолимая сила, действие которой изменить невозможно; С. Зависит от случая, от поведения человека, греховности или праведности и др. обстоятельств; судьбу можно изменить или даже создать» [Седакова, 2012, с. 204]. Это свидетельствует об устойчивости в картине мира человека XXI века архаического восприятия судьбы, несмотря на порой пренебрежительное или несерьёзное отношение информантов к приметам и суевериям (иногда говорят, что делали всё наперекор приметам и ничего плохого не происходило; с юмором рассказывают о приметах, вызывающих смех; подчёркивают, что сами в приметы не верят).

В качестве региональной особенности восприятия судьбы можем отметить преобладание у информантов стремления не столько узнать её, сколько сделать счастливой, опираясь на свои силы / знания, а также удачное стечение обстоятельств. Это предположение кажется нам справедливым, поскольку Владивосток — это территория диалога очень разных культур

[Толстых и др., 2016], что формирует у его жителей ощущение близости иного (инокультурного) мира, с которым нужно взаимодействовать и вступать в диалог, а отдалённость от Центра способствует устойчивости идеи о необходимости личной ответственности за формирование своей судьбы.

В зафиксированных приметах и суевериях заметно и влияние соседней (восточной) культуры. К нему отнесём стремление сделать талисманом японские монетки и носки с иероглифами; положительную семантику цифры 8. Возможно, что восприятие красного цвета как обещающего / примаанивающего удачу также обусловлено влиянием широко представленных во Владивостоке реалий китайской культуры, где этот цвет встречается очень часто и имеет положительную семантику. Однако данное утверждение можно рассматривать только как предположение, поскольку и у славян красный цвет имел как отрицательное (маркер потусторонних сил), так и положительное (оберег) значение [Белова, 1999, с. 647]. Вполне вероятно, что в случае с семантикой красного наблюдается универсальная интерпретация, характерная для многих культур, тем более что данный цвет широко представлен в городских реалиях, необязательно связанных с китайской культурой.

В целом в рассмотренном материале обнаруживается сохранение логики бытования примет и суеверий, характерной для русской традиции, новых механизмов ее реализации не выявлено. Уникальных для региона вариаций или новых примет и суеверий немного, что снова подтверждает выводы дальневосточных фольклористов о сохранности русских традиций, их важной роли в жизнедеятельности дальневосточных городов в ситуации инокультурного окружения [Фетисова, 2015] и даже об их обусловленной соседством с чуждой культурой некоторой «законсервированности» [Свиридова, 1989, с. 7].

Источники и принятые сокращения

1. ФА ДВФУ — *Фольклорный архив* кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Ю. А. Символика китайских чисел в рамках теории и практики межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] / Ю. А. Антонова // Политическая лингвистика. — Москва, 2012. — Выпуск 2. — Режим доступа : <http://philology.ru/linguistics4/antonova-12.htm>. (дата обращения 23.07.2020).

2. Белова О. В. Красный цвет, красное / О. В. Белова // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : В 5 т. — Москва, 1999. — Т. 2 : Д (Давать) — К (Крошки). — С. 647—651.

3. Богданов К. А. Счет как текст в фольклоре [Электронный ресурс] / К. А. Богданов // Русский фольклор. — Санкт-Петербург : Наука, 2004. — Режим доступа : <https://ruthenia.ru/folklore/bogdanov3.htm>. (дата обращения 20.07.2020).

4. Голицына О. Ю. Суеверия и предрассудки в русской медицинской культуре XVIII века [Электронный ресурс] / О. Ю. Голицына // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2009. — № 6. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/sueveriya-i-predrassudki-v-russkoy-meditsinskoj-kulture-xviii-veka>. (дата обращения 20.07.2020).

5. Завьялова Е. Е. Приметы как фольклорный жанр : опыт систематизации [Электронный ресурс] / Е. Е. Завьялова // Знание. Понимание. Умение. — 2013. — № 2. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/primety-kak-folklornyy-zhanr-opyt-sistematisatsii>. (дата обращения 15.07.2020).

6. Измоденова Н. Н. Суеверия как способ жизнедеятельности образованных групп населения [Электронный ресурс] / Н. Н. Измоденова // Труды Кольского научного центра РАН. — 2013. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/sueveriya-kak-sposob-zhizhnedeyatelnosti-obrazovannyh-grupp-naseleniya>. (дата обращения 15.07.2020).

7. Краюшкина Т. В. Мотивы состояний персонажей в русских народных волшебных сказках : системный анализ : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.09 / Т. В. Краюшкина. — Владивосток, 2010. — 536 с.

8. Краюшкина Т. В. Происхождение и развитие мотивов слепоты, немоты и глухоты в русских народных волшебных сказках (на материале фольклора Сибири и Дальнего Востока) / Т. В. Краюшкина // Сказка : научный подход к детскому жанру : материалы всероссийской научно-практической конференции. — Нижний Тагил, 2008. — Ч. 2. — С. 36—41.

9. Краюшкина Т. В. Физиология и психология персонажей русских народных волшебных сказок / Т. В. Краюшкина. — Владивосток : Дальнаука, 2011. — 258 с.

10. Мартыщенко Н. С. Владивосток как новый центр развития культурного и познавательного туризма в Северо-Восточной Азии [Электронный ресурс] / Н. С. Мартыщенко // Концепт. — 2018. — № 5. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/vladivostok-kak-novyy-tsentr-razvitiya-kulturnogo-i-poznavatel'nogo-turizma-v-severo-vostochnoy-azii/viewer>. (дата обращения 15.07.2020).

11. Мелетинский Е. М. Культурный герой [Электронный ресурс] / Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. — Москва, 1982. — Т. 2. — Режим доступа : <http://philologos.narod.ru/myth/heilbringer.htm>. (дата обращения 15.07.2020).

12. Неклюдов С. Ю. Вещественные объекты и их свойства в фольклорной картине мира [Электронный ресурс] / С. Ю. Неклюдов // Признаковое пространство культуры. — Москва : Индрик, 2002. — Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov12.htm>. (дата обращения 20.07.2020).

13. Неклюдов С. Ю. Звучащее слово в фольклоре [Электронный ресурс] / С. Ю. Неклюдов. — Режим доступа : <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov13.htm>. (дата обращения 20.07.2020).

14. Неклюдов С. Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности [Электронный ресурс] / С. Ю. Неклюдов // Восточная демонология. От народных верований к литературе. — Москва, 1998. — Режим доступа : <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm>. (дата обращения 20.07.2020).

15. Петров Н. Ю. Деньги в мифологических представлениях и обрядовых практиках [Электронный ресурс] / Н. Ю. Петров, А. Б. Мороз // Антропологический форум. — 2013. — № 18. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/dengi-v-mifologicheskikh-predstavleniyah-i-obryadovyh-praktikah-sovremennaya-krestyanskaya-traditsiya>. (дата обращения 15.07.2020).

16. *Плотникова А. А.* Встреча / А. А. Плотникова // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : В 5 т. / под общей редакцией Н. И. Толстого. — Москва, 1995. — Т. 1: А (Август) — Г (Гусь). — С. 452—455. (дата обращения 17.07.2020).
17. *Попов В. С.* Проблемы происхождения суеверий [Электронный ресурс] / В. С. Попов // Аналитика культурологии. — 2011. — № 20. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-proishozhdeniya-sueveriy>. (дата обращения 17.07.2020).
18. *Савина А. А.* Профессиональные приметы : их место и значение в современном мире [Электронный ресурс] / А. А. Савина // Дни науки студентов Владимирсок государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. — Владимир, 2019. — Режим доступа : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41175973&>. (дата обращения 17.07.2020).
19. *Санникова О. В.* Брань, ругань / О. В. Санникова // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : В 5 т. / под общей редакцией Н. И. Толстого. — Москва, 1995. — Т. 1 : А (Август) — Г (Гусь). — С. 250—253.
20. *Свиридова Л. М.* Неиссякаемые народные родники / Л. М. Свиридова // У ключика у гремучего : Дальневосточный фольклор. — Владивосток : Дальневосточное книжное издательство, 1989. — С. 5—14.
21. *Седакова И. А.* Судьба / И. А. Седакова // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : В 5 т. — Москва, 2012. — Т. 5: С (Сказка) — Я (Ящерица). — С. 203—208.
22. *Толстая С. М.* Человек / С. М. Толстая // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : В 5 т. — Москва, 2012. — Т. 5 : С (Сказка) — Я (Ящерица). — С. 498—503.
23. *Толстая С. М.* Число / С. М. Толстая // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : В 5 т. — Москва, 2012. — Т. 5 : С (Сказка) — Я (Ящерица). — С. 544—547.
24. *Толстых И. Н.* Владивосток как центр культурного развития Приморского края [Электронный ресурс] / И. Н. Толстых, Г. Н. Харина // Universum : филология и искусствоведение. — 2016. — № 6 (28). — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/vladivostok-kak-tsentr-kulturnogo-razvitiya-primorskogo-kрая>.
25. *Фетисова Л. Е.* Народно-бытовые традиции в культуре дальневосточных городов (конец XIX — начало XX в.) [Электронный ресурс] / Л. Е. Фетисова // Историческая урбанистика : прошлое и настоящее города. — Сургут : СурГУ, 2015. — Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=24370831>. (дата обращения 20.07.2020).
26. *Флигинских Е. Е.* К вопросу об определении термина «суеверие» [Электронный ресурс] / Е. Е. Флигинских // Вестник Чувашского университета. — 2014. — № 1. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-termina-sueverie/viewer>. (дата обращения 20.07.2020).

FEATURES OF THE FOLK IDEAS REFLECTION ABOUT FATE IN THE SIGNS AND SUPERSTITIONS OF SOCIAL GROUPS IN VLADIVOSTOK

© **Maria S. Kiseleva (2020)**, orcid.org/0000-0003-2846-570X, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), kiseleva.ms@dvfu.ru.

The article is devoted to the signs and superstitions collected in 2014–2019 in Vladivostok and stored in the archives of the Department of Russian Language and Literature of the Far Eastern Federal University. The respondents were representatives of a number of social and professional groups: schoolchildren, students, doctors, sailors, fishermen, divers, taxi drivers and drivers. The following are considered in the texts: signs of the other world, foreshadowing a favorable or unfavorable outcome of events; special words / phrases that must / must not be said so as not to scare or attract good luck; actions that must / must not be performed; cumulative realization of signs, words and actions. It is proved that the signs and superstitions recorded among the Russian-speaking residents of Vladivostok are directly related to the complex of traditional ideas about fate. It is noted that superstitions are also based on the idea that a person is the creator of his own destiny, capable of attracting and retaining good luck, and building a dialogue with the other world. The assumption is made that the identified and described signs and superstitions have regional specificity: the territory of their existence is an outpost of Russia in the Far East. The changes that occur in omens and superstitions under the influence of the peculiarities of life and the organization of life of native speakers in a situation of cultural borderland are commented on.

Key words: signs and superstitions; traditional ideas about fate; picture of the world; urban folklore.

MATERIAL RESOURCES

FA DVFU — *Folklorный архив кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета* [Folklore archive of the Department of Russian language and literature of the far Eastern Federal University]. (In Russ.).

REFERENCES

- Antonova, Yu. A. (2012). Simvolika kitayskikh chisel v ramkakh teorii i praktiki mezhkulturnoy kommunikatsii [Symbols Chinese numbers in the framework of the theory and practice of intercultural communication]. *Politicheskaya lingvistika*, 2 [Political linguistics]. Available at: <http://philology.ru/linguistics4/antonova-12.htm>. (accessed 23.07.2020). (In Russ.).
- Belova, O. V. (1999). Krasnyy tsvet, krasnoye [Red, red]. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'*, 5 (2) [Slavonic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. 647—651. (In Russ.).
- Bogdanov, K. A. (2004). Schet kak tekst v folklоре [Account as a text in folklore]. *Russkiy folklор* [Russian folklore]. Sankt-Peterburg: Nauka, Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/bogdanov3.htm>. (accessed 20.07.2020). (In Russ.).
- Fetisova, L. E. (2015). Narodno-bytovyye traditsii v kulture dalnevostochnykh gorodov (konets XIX — nachalo XX v.) [Folk and everyday traditions in the culture of far Eastern cities (late XIX–early XX century)]. *Istoricheskaya urbanistika: proshloye i nastoyashcheye goroda* [Historical urbanism: past and present of the city]. Surgut: SurGU. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24370831>. (accessed 20.07.2020). (In Russ.).
- Fliginskikh, E. E. (2014). K voprosu ob opredelenii termina «sueveriyе» [To the question of defining the term “superstition”]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 1 [Bulletin of the Chuvash University]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-termi-na-sueverie/viewer>. (accessed 20.07.2020). (In Russ.).

- Golitsyna, O. Yu. (2009). Suyeveryiya i predrassudki v russkoy meditsinskoy kulture XVIII veka [Superstitions and prejudices in the Russian medical culture of the XVIII century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki*, 6 [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social Sciences]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sueveryiya-i-predrassudki-v-russkoy-meditsinskoy-kulture-xviii-veka>. (accessed 20.07.2020). (In Russ.).
- Izmodenova, N. N. (2013). Suyeveryiya kak sposob zhiznedeятelности obrazovannykh grupp naseleniya [Superstitions as a way of life of educated groups of the population]. *Trudy Kolskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Kola scientific center of the Russian Academy of Sciences]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sueveryiya-kak-sposob-zhiznedeятelности-obrazovannykh-grupp-nasele-niya>. (accessed 15.07.2020). (In Russ.).
- Krayushkina, T. V. (2008). Proiskhozhdeniye i razvitiye motivov slepoty, nemoty i glukhoty v russkikh narodnykh volshebnykh skazkakh (na materiale folklora Sibiri i Dalnego Vostoka) [Origin and development of motives of blindness, dumbness and deafness in Russian folk fairy tales (based on the folklore of Siberia and the Far East)]. *Skazka: nauchnyy podkhod k detskomu zhanru: materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 2 [Fairy tale: a scientific approach to childrens genre: materials of the all-Russian scientific and practical conference]. Nizhniy Tagil. 36—41. (In Russ.).
- Krayushkina, T. V. (2010). *Motivy sostoyaniy personazhey v russkikh narodnykh volshebnykh skazkakh: sistemnyy analiz: Doct. Diss.* [Motives of character States in Russian folk fairy tales: system analysis: Doct. Diss.]. Vladivostok. 536 p. (In Russ.).
- Krayushkina, T. V. (2011). *Fiziologiya i psikhologiya personazhey russkikh narodnykh volshebnykh skazok* [Physiology and psychology of characters of Russian folk fairy tales]. Vladivostok: Dalnauka. 258 p. (In Russ.).
- Martyshenko, N. S. (2018). Vladivostok kak novyy tsentr razvitiya kulturnogo i poznavatel'nogo turizma v Severo-Vostochnoy Azii [Vladivostok as a new center for the development of cultural and educational tourism in North-East Asia]. *Kontsept*, 5 [Concept]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladivostok-kak-novyy-tsentr-razvitiya-kulturnogo-i-poznavatel'nogo-turizma-v-severo-vostochnoy-azii/viewer>. (accessed 15.07.2020). (In Russ.).
- Meletinskiy, E. M. (1982). Kulturnyy geroy [Cultural hero]. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediya*, 2 [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moskva. Available at: <http://philologos.narod.ru/myth/heilbringer.htm>. (accessed 15.07.2020). (In Russ.).
- Neklyudov, S. Yu. *Zvuchashcheye slovo v folklоре* [Sounding word in folklore]. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov13.htm>. (accessed 20.07.2020). (In Russ.).
- Neklyudov, S. Yu. (1998). *Obrazy potustoronnego mira v narodnykh verovaniyakh i traditsionnoy slovesnosti* [Images of the otherworldly world in folk beliefs and traditional literature]. *Vostochnaya demonologiya. Ot narodnykh verovaniy k literature* [Eastern demonology. From folk beliefs to literature]. Moskva. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm>. (accessed 20.07.2020). (In Russ.).
- Neklyudov, S. Yu. (2002). Veshchestvennyye obyekty i ikh svoystva v folklornoy kartine mira [Real objects and their properties in the folklore picture of the world]. *Priznako-*

- voye prostranstvo kultury* [Cultural space]. Moskva: Indrik. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov12.htm>. (accessed 20.07.2020). (In Russ.).
- Petrov, N. Yu., Moroz, A. B. (2013). Dengi v mifologicheskikh predstavleniyakh i obryadovykh praktikakh [Money in mythological representations and ritual practices]. *Antropologicheskii forum*, 18 [Anthropological forum]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dengi-v-mifologicheskikh-predstavleniyakh-i-obryadovykh-praktikah-sovremennaya-krestyanskaya-traditsiya>. (accessed 15.07.2020). (In Russ.).
- Plotnikova, A. A. (1995). Vstrecha [Meeting]. In: *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*, 5 (1) [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Moskva. 452—455. (accessed 17.07.2020). (In Russ.).
- Popov, V. S. (2011). Problemy proiskhozhdeniya suyeveriy [Problems of origin of superstitions]. *Analitika kulturologii*, 20 [Analysis of cultural studies]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-proishozhdeniya-sueveriy>. (accessed 17.07.2020). (In Russ.).
- Sannikova, O. V. (1995). Bran', rukan' [Bran, rukan]. In: *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*, 5 (1) [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Moskva. 250—253. (In Russ.).
- Savina, A. A. (2019). Professionalnyye primety: ikh mesto i znachenie v sovremennom mire [Professional signs: their place and significance in the modern world]. In: *Dni nauki studentov Vladimirsokg gosudarstvennogo universiteta imeni A. G. i N. G. Stoletovykh* [The days of science students Vladimirsk state University named after A. G. and N. G. Stoletovs]. Vladimir. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41175973&>. (accessed 17.07.2020). (In Russ.).
- Sedakova, I. A. (2012). Sudba [Fate]. In: *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*, 5 [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Moskva. 203—208. (In Russ.).
- Sviridova, L. M. (1989). Neissyakayemye narodnyye rodniki [Inexhaustible folk springs]. *U klyuchika u gremuchego: Dalnevostochnyy folklor* [The key from rattling: far Eastern folklore]. Vladivostok: Dalnevostochnoye knizhnoye izdatelstvo. 5—14. (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. (2012). Chelovek [Number]. In: *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*, 5 [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Moskva. 498—503. (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. (2012). Chislo [Man]. In: *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*, 5 [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. Moskva. 544—547. (In Russ.).
- Tolstykh, I. N., Kharina, G. N. (2016). Vladivostok kak tsentr kul'nurnogo razvitiya Primorskogo kraia [Vladivostok as the center of cultural development of the Primorye territory]. *Universum: filologiya i iskusstvovedeniye*, 6 (28) [Universum: Philology and art history]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladivostok-kak-tsentr-kul'nurnogo-razvitiya-primorskogo-kraia>. (In Russ.).
- Zavyalova, E. E. (2013). Primety kak folklornyy zhanr: opyt sistematizatsii [Omens as a folklore genre: experience of systematization]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2 [Knowledge. Understanding. Skill]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primety-kak-folklornyy-zhanr-opyt-sistematizatsii>. (accessed 15.07.2020). (In Russ.).